

Модзалевский Борис Львович

Анна Петровна Керн

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Львович М.**
Анна Петровна Керн / Модзалевский Борис Львович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
144 с.

ISBN 978-5-519-97126-3

ISBN 978-5-519-97126-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



ПУШКИН

С современного оригинального портрета масляными красками
Из коллекций Пушкинского Дома

Жизнь Пушкина — блистающий всеми цветами радуги фейерверк. Если долго и пристально смотреть на него, — он ослепляет, краски сливаются, становится трудно различать их; является естественное желание разобраться в этих красочных пятнах, не потеряв ничего от получаемых впечатлений, — а это заставляет останавливаться внимательнее на отдельных составляющих это яркое явление элементах. Блеск жизни Пушкина, — этого типичного „человека“, которому „ничто человеческое не было чуждо“, — зависел как от него самого, от свойств самой его личности, так и от того окружения, среди которого он, как великая планета между своими большими и малыми спутниками, вращался на фоне современной ему Русской действительности. Поэтому познать Пушкина, *понять* сущность его, как человека и писателя, можно лишь изучив тех людей, — великих и малых, — среди которых протекала его такая светлая по внешности и такая трудная по внутреннему содержанию и такая краткая жизнь... Познакомиться с друзьями Пушкина — в первую очередь, — а затем и с его врагами и даже просто с современниками, — значит

познакомиться и с самим поэтом. На их фоне резче, ярче и понятнее сделается и он сам, — по его разнообразным отношениям к ним мы легче узнаем и его самого, почувствуем всю великость, своеобразие и обаятельность его человеческой личности. А через это нам станет понятнее и его Муза, такая человеческая, гуманная; вся проникнутая любовью ко всему живущему...

Припоминая имена друзей Пушкина, мы на одном из первых мест назовем имя Анны Петровны Керн: поэт близко знал и любил ее; представление о ней связано с одним из самых блестящих лирических произведений Музы Пушкина, единственным в своем роде гимном любви — „Я помню чудное мгновенье“, — а также с любопытным эпизодом его биографии... Уже одно это дает ей право на видное место в биографической галлерее лиц, с которыми поэт встречался на своем жизненном пути; но она заслуживает особенного внимания еще и по тем ценным воспоминаниям о Пушкине, которые она нам оставила, — воспоминаниям, занимающим, по выражению Л. Н. Майкова, „одно из первых мест в ряду биографических материалов о великом поэте“. Наконец, в биографии ее постоянно мелькают люди и местности, теснейшим образом связанные с биографией Пушкина. Знакомство с биографией А. П. Керн введет нас в круг интимной жизни Пушкина в пору

самого расцвета его гения. Она долго жила и много любила; жизнь ее была сложна и полна превратностей и читать страницы этой жизни не скучно... Прочтем же эти страницы¹.

I

Анна Петровна Керн родилась 11-го февраля 1800 г. в Орле, в доме своего деда с материнской стороны — Ивана Петровича Вульфа, который был там губернатором. Родилась она „под зеленым штофным балдахином с белыми и зелеными перьями страуса по углам. Обстановка была так роскошна, что посетительницам мудрено было класть „на зубок“ под подушку матери иначе, как золото, и его набралось до 70 голландских червонцев“². Родителями ее были Петр Маркович Полторацкий (сын известного в свое время Начальника Придворной Певческой Капеллы Марка Федоровича Полторацкого, родом малоросса, — главы многочисленной и даровитой семьи) и Екатерина Ивановна, рожд. Вульф, дочь вышеупомянутого Орловского губернатора, потом сенатора Ивана Петровича Вульфа. Семьи Полторацких и Вульфов были очень обширны, находились в постоянном общении между собою и жили широко и весело; многочисленна и богата была и родня их. Анна Петровна с детства попала в этот широкий круг богатых родных, и первые впечатления ее сознательной жизни были

радостны, светлы и беззаботны. Мать не чаяла в ней души; дедушка Вульф был человек чрезвычайно добрый, благодушный; многочисленные дядюшки и тетюшки наперерыв баловали свою племянницу, — и только отец, фантазёр, самодур и прожектёр, являлся темным пятном в безоблачном существовании девочки. „Батюшка начал меня воспитывать еще с пеленок, — и много натерпелась я от его методы воспитания!.. Он был добр, великодушен, остроумен по-вольтеровски, достаточно, по тогдашнему времени, образован и весь проникнут был учением энциклопедистов, но у него много было забористости и самонадеянности, побуждавших его к капризному своеволию над всеми окружающими. От этого и обращение со мною доходило до нелепости. Когда я, бывало, плакала от того, что хотела груди или была нездорова, — он меня клал в темную комнату и оставлял в ней до тех пор, пока я, от усталости, засыпала в слезах. Требовал, чтобы не пеленали и отнюдь не качали. Но окружающие делали это по секрету; он сердился и вымещал на мне — малютке“...

С младенчества Анна Петровна была связана самыми тесными узами с Прасковьей Александровной Осиповой (тогда еще Вульф, женой родного брата Екатерины Ивановны Полторацкой — Николая Ивановича Вульфа) и ее дочерью Анной Николаевной, которая родилась двумя месяцами раньше своей кузины³; с этими двумя лицами

она потом была всегда в самых близких, дружеских отношениях. „Как ты меня утетила, моя дуиечка“, — пиала она однажды естре своего второго мужа, Е. В. Бакуниной (15-го июля 1852 г.): „известием об Анне Николаевне. Я никого так не любила и, конечно, не буду любить, как ее, и в детстве, и в юности, и в зрелых уже летах. Мы вместе и росли, вместе играли и учились, и когда расставались, то из одного дома в другой писали друг к другу письма. И позже я никогда без особенного восторга с нею не встречалась. Мы были больше, чем самые дружные родные сестры“...

Младенческие годы Анны Петровны прошли в Малороссии, в Лубнах, где ее отец был уездным маршалом (предводителем) дворянства, ведя в то же время хозяйство в имениях с 700 крестьян, данных ему его матерью, своеобразной и властолюбивой Агафоклеей Александровной, страстно любившей свою внучку, несмотря на то, что она была дочерью ее наименее любимого сына. По четвертому году девочку увезли в имение деда Вульфа — с. Берново (Старицкого уезда Тверской губ.), где прожила она год и где ей жилось „привольно, особенно в отсутствии батюшки“. „Все были, — вспоминает она, — внимательны и нежны ко мне, в особенности наш бесподобный дедушка Иван Петрович“ (Вульф); жена его, Анна Федоровна, рожд. Муравьева, и сестра ее, Любовь Федо-

ровна, постоянно жившая с Е. И. Полторацкой, также окружали нежною привязанностью девочку и ее мать, женщину кроткую, но болезненную и несколько забитую мужем. Из Бернова Полторацкие опять переселились в Лубны, — и в памяти Анны Петровны навсегда сохранился вид живописной местности с широким горизонтом, открывавшийся с горы, на которой стояла здесь их усадьба, и тот круг веселых, добродушных и патриархальных Лубенских обитателей, в котором она жила до 8 лет, „присутствуя и участвуя во всех его удовольствиях“. „Но при этом, — говорит она, — несмотря на постоянные веселости, обеды, балы, мне удавалось удовлетворять свою страсть к чтению, развившуюся во мне с пяти лет. Каждую свободную минуту я употребляла на чтение французских и русских книг из библиотеки моей матери. Тут попадались мне по большей части английские романы. Из них нравились мне особенно „Octavia“, par Anna Maria Porter, „Félicie et Florestine“ и другие. Многого, разумеется, я не понимала, но все-таки читала. В куклы я никогда не играла“... Мы намеренно выписываем эти автобиографические, вполне искренние показания, так как считаем их очень важными для уяснения характера Анны Петровны; далее мы увидим следы сильного влияния этого раннего чтения, увидим, как и позднее она много читала, как любила воображать себя героиней прочитанного, — словом, как

воспитывалась она на чтении, развивавшем в ней не столько ум, сколько сердце...

В 1808 г., когда умерла, вслед за второй, третья сестра Анны Петровны, и мать ее была неутешна от этой потери, отец опять отправил жену с дочерью и Л. Ф. Муравьевой в с. Берново, куда вскоре приехала из своего Тригорского и Прасковья Александровна Вульф с мужем и дочерью Анною. Девочки встретились очень дружелюбно, „обнялись и тотчас заговорили, — не о куклах, о нет! мы обе не любили кукол! — она описывала красоты Тригорского, а я — прелести Лубен и нашего в них дома... Анна Николаевна не была так резва, как я; она была серьезнее, расчетливее и гораздо меня прилежнее..., но я была горячее, даже великодушнее в наших дружеских излияниях и отношениях“.

Между тем подходило время подумать об образовании обоих подростков. Подыскание воспитательниц поручили дяде Петру Ивановичу Вульфу, состоявшему в звании „кавалера“ при великих князьях Николае и Михаиле. „Случилось так, — рассказывает Анна Петровна, — что в это самое время выписали для великой княжны Анны Павловны из Англии двух гувернанток: *m-lle Sybourg* и *m-lle Bénoit*. Эта последняя назначалась к великой княжне, но, по своим скромным вкусам и желанию отдохнуть после труженнической жизни в Лондоне (где она занималась воспитанием детей в домах двух лордов,

по десяти лет в каждом), — она не решилась принять предложение двора и уступила место при великой княжне приятельнице своей Sybourg, а сама приехала в Берново, в конце 1808 года. Это была очень серьезная, сдержанная девица 47 лет, с очень приятною, умною и доброю наружностью“. „Родители мои и Анны Николаевны, — повествует она далее, — „тотчас же поручили нас в полное ее распоряжение. Никто не смел мешаться в ее дело, делать какие-либо замечания, нарушать покой ее учебных занятий с нами и тревожить ее в мирном приюте, в котором мы учились“.

Преподавание шло, „разумеется, по-французски и Русскому языку мы учились только 6 недель во время ваканций, на которые приезжал из Москвы студент Мерчанский“. Благодаря своему педагогическому такту, m-lle Bénoit умела приохотить девочек к ученью, и они занимались, нисколько не тяготясь тем, целый день. Занятия разнообразились рассказами гувернантки и чтением, которому подруги предавались с жадностью“. „У нас была маленькая детская библиотека с m-me Genlis, Duscraay-Duménil и другими тогдашними писателями... Любимыми нашими сочинениями были „Les veillées du château“ и „Les soirées de la chaumière“. Встречая в читанном скабрёзные места [sic!], мы оставались к ним безучастны, так как эти места были нам непонятны. Мы воспринимали из книг